

Антисфен Афинский

Из сочинений и бесед

Из «Геракла»

1. Они утверждали, что конечная цель философии — «жить в согласии с добродетелью», как об этом говорит Антисфен в своем «Геракле» (Диог. Лаэрт., VI, 104).
2. Они полагали также, что добродетели можно научиться и её нельзя утратить, как пишет Антисфен в «Геракле»; только мудрец достоин любви, безгрешен, друг себе подобных и ни в чём не полагается на судьбу (Диог. Лаэрт., VI, 105).
3. Для мудреца нет ничего чуждого или невыполнимого. Добродетельный человек достоин любви. Все достойные люди — друзья. Своими союзниками следует делать людей мужественных и справедливых. Добродетель — оружие, которое нельзя отнять (Диог. Лаэрт., VI, 12).
4. Тогда Антисфен ответил: «В таком случае разве не лучше этому сиракузянину показать свою танцовщицу всему городу и заявить во всеуслышание, что, если афиняне заплатят ему, он сделает так, что они все смело бросятся копьям наперерез?» (Ксенофонт. Пир, II, 13).
5. Он был так неуязвим и неподкупен в подобных обстоятельствах, ибо придерживался того принципа, которым руководствовался и антисфеновский Геракл, учивший мальчиков не испытывать благодарности к тем, кто их хвалит. В этом был только один смысл, — чтобы они не смущались и не чувствовали себя обязанными льстить в ответ на похвалу (Плутарх. О ненужном стыде, 18).
6. Таким, кажется, был Хирон, который жил на Пелионе, превзошёл справедливостью всех людей и воспитал Асклепия и Ахилла. Кажется, к нему пришёл Геракл, испытывая жажду в знаниях, и жил с ним в пещере, воздавая почести Атланту. Только этого одного кентавра он не убил, а слушал его, как рассказывает сократик Антисфен в своём «Геракле» (Эратосфен. Катастеризмы, гл. 40. — Шаубах, с. 40).
7. Поэтому и антисфеновский Геракл говорит о каком-то юноше, воспитывавшемся у Хирона: он высок, красив и в расцвете сил. Кого полюбит, тот будет счастлив (Прокл. Комментарий к «Алкивиаду» Платона. — Крейцер, т. 1, с. 98).

Из «Кира»

8. В качестве нормы, эталона и наилучшего образца чистоты истинной аттической речи он приводит в пример Платона и Демосфена, а также Крития, сына Каллесхра, и Антисфена с

его двумя подлинными книгами, посвящёнными Киру и Одиссею (Фриних Араб у Фотия. — Библиотека, 101b9).

9. Антисфен во втором «Кире» бранит Алкивиада и обвиняет его в том, что он презирает обычаи как по отношению к женщинам, так и в остальных областях жизни (Афиней, V, 220c).

10. Поэтому и сократик Антисфен, как будто бы он сам видел Алкивиада, говорит, что в юности тот был сильным, мужественным, грубым, дерзким и красивым (Там же, XII, 534c).

11. Итак, что же говорит Антисфен? Ты ещё не слышал? — «О Кир, это удел царей — поступать благородно и выслушивать поношения» (Арриан. Беседы Эпиктета, IV, 5; ср.: Диог. Лаэрт., VI, 3).

12. Он доказывал, что труд — благо, приводя в пример великого Геракла и Кира, одного — из эллинов, другого — из варваров (Диог. Лаэрт., VI, 2).

13. Нам известна кормилица Алкивиада, лаконянка родом, по имени Амикла, и наставник его Зопир. О первой сообщает Антисфен, о втором — Платон (Плутарх. Алкивиад, I).

14. О том, что Алкивиад был высок и красив, свидетельствует, во-первых, то, что его называли любимцем всей Эллады, во-вторых, слова Антисфена, что если Ахилл не был похож на Алкивиада, то он не был истинно прекрасным (Прокл. Комментарий к «Алкивиаду» Платона. — Крейцер, т. 1, с. 114)[80].

Из «Аспасии»

15. Аспасия питала неприязнь к сыновьям Перикла Ксантиппу и Паралу. Она говорила, что один из них был сожителем Архестрата, который вёл себя наподобие обитательниц домов терпимости, другой — друг и близкий приятель Эвфима, который задевал на дорогах встречных своими грубыми и неумными шутками (Афиней, V, 220d).

16. Сократик Антисфен рассказывает, что [Перикл] сильно любил Аспасию и дважды в день, уходя и возвращаясь, целовал её. Однажды, когда её обвинили в нечестии, он взял на себя её защиту и проливал обильные слёзы, будто дело шло о его собственной жизни и состоянии. Когда же Кимон, нарушив все законы, сошёлся со своей сестрой Эльпиникой, вышедшей позже замуж за Каллия, и был изгнан, Перикл взял в награду за его возвращение возможность сойтись с Эльпиникой (Афиней, XIII, 589e, ср.: Плутарх. Перикл, 10—24).

Из «Протрептика»

17. Сначала он был учеником ратора Горгия. Отсюда риторическая окраска его диалогов, особенно осязаемая в «Истине» и в «Протрептиках» (Диог. Лаэрт., VI, 1).

18. Бомбилий — это сосуд с узким горлышком, в котором во время питья жидкость булькает, как сообщает Антисфен в «Протрептике» (Поллукс, VI, 16, 98; ср.: Там же, X, 19, 68).

19. Антисфен ...и в «Протрептике» говорит: «...откармливаться вместо поросят» (Афиней, XIV, 656р).

20. Ночным горшком хотел быть Ксенофонт, вместилищем мочи — Антисфен (Фотий, р. 361, 21).

Из «Архелая»

21. «Архелай» содержит нападки на ратора Горгия (Афиней, V, 220).

Из «Политика»

22. Его диалог «Политик» содержит нападки на всех афинских демагогов (Афиней, I, 220d).

Из «Физиогномика»

23. Антисфен же в «Физиогномике» говорит: «Ведь и они по принуждению откармливают свиней» (Афиней, XIV, 656).

Из «Физика»

24. И Антисфен о боге всего сущего провозглашает: его нельзя узнать на изображениях, глазами его нельзя увидеть, он ни на что не похож. Поэтому никто не может узнать его по изображению (Феодорет. Излечение греческих страстей, I; Климент Александрийский. Протрептик, VI, 71; Лактанций. О гневе Божиим, XI; Он же. Божественные установления, I, 5; Минуций Феликс, 19)[81].

Из сочинений о Гомере (Homeric)

25. «А разве тебе не известно, — сказал Антисфен, — что и все рапсоды знают эти поэмы?» — «Как мне этого не знать, когда я слушаю их почти каждый день?» •—ответил он. «Тогда знаешь ли ты людей глупее рапсодов?» — «Должно быть, нет, клянусь Зевсом», — ответил Никерат. «Нет сомнения, — заметил Сократ, — что они не понимают сокровенного смысла» (Ксенофонт. Пир, III, 6; ср.: Там же, IV, 6; Юлиан, VII, 215).

26. Антисфен говорит, что Гомер хвалит Одиссея не больше, чем порицает, называя его «многохитростным». Ахилла и Аякса поэт менее всего изобразил «многохитростными», но простыми и благородными. Также и мудрого Нестора, клянусь Зевсом, не хитрым и лицемерным, а ведущим с Одиссеем и со всеми другими простые речи. Если у него были какие-нибудь полезные мысли, он их высказывал войску и ни от кого не скрывал. Ахилл был настолько простодушен, что считал того смертельным врагом, кто одно держит на уме, а говорит другое. Решая данную проблему, Антисфен говорит: «Что же, Одиссей дурной человек, раз он назван многохитростным? А не потому ли, что он был мудрым, так назвал его Гомер? Может быть, „хитрость“, „ловкость“ (tropos) здесь означает то ум, то умение пользоваться речью? Ведь благодетельный (eutropos) тот, у кого ум расположен к добру». Но причиной стилистического различия речи является различие в вымысле. Поэт пользуется

разнохарактерной речью в зависимости от изменения голоса и действующих лиц, когда, например, описывает соловья, который, «постоянно меняя голос, льёт свою переливчатую песнь»[82]. Если мудрые люди искусны в речах, то они умеют одну и ту же мысль выразить разными способами. Поэтому те, кто умеет говорить об одном и том же по-разному, и могут, пожалуй, быть названы «многохитростными», «ловкими» (polytropos). А мудрые люди в то же время и добродетельные. Гомер называет Одиссея, человека мудрого, и «многохитростным», именно потому что он умеет находить к разным людям разный подход. Рассказывают, что и Пифагор, разговаривая с детьми, применялся к детской речи, беседуя с женщинами, приспособлялся к ним, общаясь с властями, принаравливался к ним, обращаясь к юношам, — к юношам. Ибо характерным для мудрости является умение найти для каждого свой род мудрости, а невежеству свойственно к разным людям обращаться с однообразной речью. Так обстоит дело и в медицине, когда она успешно применяет свое искусство, предписывая разнообразное лечение в соответствии с различием в состоянии больных. Таким образом, характеры бывают разными и означают изменчивость душевного склада. А многообразие в речах и употребление различных средств речи порождают у различных слушателей единообразие в восприятии, ибо каждому свойственно своё, единственное. Поэтому своеобразие каждую собирает пёстрое различие речей в одно, подходящее только для него. С другой стороны, единообразное несоответствие[83] порождает в восприятии различных людей впечатление разнообразия речи, отвергаемого многими, так как они считают неприемлемой и саму речь (Схолии к «Одиссее», I, 1. — Буттманн, с. 9).

27. Антисфен говорит, что понял мудрость Одиссея, так как влюблённые часто обманывают и обещают невозможное (Схолии к «Одиссее», V, 211. — Буттманн, с. 193).

28. Антисфен говорит, что влюблённые не выполняют своих обещаний. Но «она [Калипсо] не могла делать этого без воли Зевса» (Схолии к «Одиссее», VII, 257. — Буттманн, с. 267).

29. Почему Одиссей так неразумно и пренебрежительно отзывается о Посейдоне, говоря, что он и глаза не вылечит, хотя и колеблет землю? Антисфен разъясняет: известно, что врачеватель не Посейдон, а Аполлон (Схолии к «Одиссее», IX, 525. — Буттманн, с. 328).

30. Антисфен объясняет, что здесь речь идёт не о силе рук, а о том, что он (Нестор. — И. Н.) не пьянел, а легко переносил вино (Венецианские схолии к «Илиаде», IX, 636).

31. В связи с этим Антисфен говорит, что мудрый человек всегда действует, учитывая все стороны поступков. Поэтому и Афина трижды предостерегает Ареса (Лейпцигские схолии к «Илиаде», XV, 123).

32. Правильно говорит Антисфен, что мы должны желать врагам все блага, кроме доблести, потому что ею не просто владеют, а добиваются победы (Плутарх. О счастье или доблести Александра, II, 3. — Гуттен, т. 9, с. 56).

33. В связи с этим Антисфен говорит, что души схожи с телами, в которые они заключены (Венецианские схолии к «Илиаде», XXIII, 65).

Из книги «Об употреблении вина»

34. Так как он имел опыт и по этой части, то разрешает им пить, исходя из своих возможностей, говоря в шутку, что безрассудны те люди, которые, имея всё необходимое в избытке, не осмеливаются им свободно пользоваться, и что эта самая книга представляет собой, как кажется, сочинение Антисфена «Об употреблении вина». В ней рассказывалось о вине и о некоторых признаках Диониса (Аристид. Речи, XXV, 560. — Диндорф, т. 1, с. 496).

Из книги «О любви»

35. Я согласен с Антисфеном, который говорит, что, если бы ему попалась сама Афродита, он пронзил бы её стрелой, потому что она погубила много наших прекрасных и достойнейших женщин, а также называет любовь пороком природы. Несчастные, попав под её власть, называют болезнь божеством. Таким образом доказывается, что невежественные люди из-за незнания подчиняются наслаждению, которое не следует допускать, хотя оно зовётся божеством и дано богами для потребностей продолжения рода (Климент Александрийский. Строматы, II — Поттер, с. 485).

36. Жениться следует для воспроизведения рода, сходясь для этого с самыми прекрасными женщинами. И любви не должен чуждаться мудрец, ибо только он знает, кто достоин её (Диог. Лаэрт., VI, 11).

37. Следует сходить только с такими женщинами, которые будут вам за это признательны (Диог. Лаэрт., VI, 3).

38. — Ну, хорошо, — сказал Каллий. — А ты, Сократ, что можешь сказать, почему ты вправе гордиться таким бесславным искусством, которое ты назвал?

— Уговоримся сперва, — сказал Сократ, — в чём состоит дело сводника. На все мои вопросы отвечайте без замедления, чтобы нам знать всё, в чём придём к соглашению. Вы тоже так думаете?

— Конечно, — отвечали они. Сказавши раз «конечно», после этого все давали ответ этим словом.

— Итак, — начал Сократ, — задача хорошего сводника — сделать так, чтобы тот или та, кого он сводит, нравился тем, с кем он будет иметь дело, не правда ли?

— Конечно, — был общий ответ.

— Одно из средств нравиться не состоит ли в том, чтобы иметь идущий к лицу фасон причёски и одежды?

— Конечно, — был общий ответ.

— Не знаем ли мы и того, что человек может одними и теми же глазами смотреть на кого-нибудь дружелюбно и враждебно?

— Конечно.

— А что? Не бывает ли так, что одни речи возбуждают вражду, другие ведут к дружбе?

— Конечно.

— Хороший сводник не будет ли из всего этого учить тому, что помогает нравиться?

— Конечно.

— А какой сводник лучше, — который может делать так, чтобы его клиенты нравились одному, или который — многим?

Тут голоса разделились; одни сказали: «Очевидно, который очень многим», — а другие: «Конечно».

Сократ сказал, что и относительно этого все согласны, и продолжал:

— А если бы кто мог делать так, чтобы люди нравились даже целому городу, не был ли бы он уже вполне хорошим сводником?

— Несомненно, — был общий ответ.

— Если бы кто мог делать такими людей, во главе которых он стоит, не был ли бы он вправе гордиться этим искусством и не был ли бы вправе получать большое вознаграждение?

Когда и с этим все согласились, он продолжал:

— Таков, мне кажется, наш Антисфен.

— Мне передаешь ты, Сократ, это искусство? — сказал Антисфен.

— Да, клянусь Зевсом, — отвечал Сократ, — я вижу ты вполне изучил и родственное этому искусство.

— Какое это?

— Искусство завлечения, — отвечал Сократ.

Антисфен, ужасно обидевшись, спросил:

— Какой же поступок такого рода ты знаешь за мной, Сократ?

— Знаю, — отвечал он, — что ты завлёл нашего Каллия к мудрому Продику, видя, что Каллий влюблён в философию, а Продику нужны деньги; знаю, что ты завлёл его к Гиппию из Элиды, у которого он научился искусству помнить, и оттого с тех пор стал ещё более влюбчивым, потому что никогда не забывает ничего прекрасного, что ни увидит. Недавно и мне ты расхваливал этого проезжего из Гераклеи и, возбудив во мне страсть к нему,

познакомил его со мною. За это я, конечно, тебе благодарен: человек он, мне кажется, в высшей степени благородный. А Эхила из Флиунта разве ты мне не расхваливал, а меня — ему? И не довёл ли ты нас до того, что мы, влюбившись под влиянием твоих речей, бегали, как собаки, разыскивая друг друга? Так, видя, что ты можешь это делать, я считаю тебя хорошим завлекателем. У кого есть талант узнавать, какие люди полезны друг другу, и кто может возбуждать в них взаимную страсть, тот мог бы, мне кажется, и город склонить к дружбе, и браки устраивать подходящие: он был бы дорогим приобретением и для города, и для друзей, и для союзников. А ты рассердился, как будто я обругал тебя, назвав тебя хорошим завлекателем.

— Теперь нет, клянусь Зевсом, — сказал Антисфен. — Если я действительно обладаю таким талантом, то душа у меня уже совсем набита будет богатством (Ксенофонт. Пир, IV, 56 — 64/Пер. С. И. Соболевского).

Из книги «О воспитании, или О словах»

39. Антисфен говорит, что начало образования состоит в исследовании слов (Арриан. Беседы Эпиктета, I, 17).

40. Антисфен часто говорил, что здравомыслящие люди не должны изучать литературу, чтобы не подвергаться чуждому влиянию (Диог. Лаэрт., VI, 103).

Из «Сатона»

41. Мерзко и похабно переименовав Платона в Сатона, он (Антисфен. — И. Н.) издал под таким названием диалог, направленный против Платона (Афиней, V, 220d; ср.: Там же, XI, 507a).

42. Он (Протагор. — И. Н.) также первым, по словам Платона в «Эвтидеме», стал употреблять в дискуссиях положение Антисфена, которым он старался доказать невозможность противоречия (Диог. Лаэрт., IX, 53; ср.: Платон. Эвтидем, 280C).

43. Рассказывают, что Антисфен намеревался прочесть одно из своих сочинений и пригласил Платона. Когда тот спросил, что он собирается читать, Антисфен ответил: «О невозможности противоречия». Тогда Платон сказал: «Как ты вообще можешь что-нибудь написать об этом?» — и стал доказывать, что он сам себе противоречит. После этого Антисфен написал диалог под названием «Сатон», направленный против Платона, и оба философа отныне стали врагами (Диог. Лаэрт., III, 35; ср.: Там же, VI, 7).

44. Говорят, что есть три вида идей. Антисфен называет их пустыми выдумками, прибавляя: «Человека и лошадь я вижу, а человечности и лошадности не вижу» (Цец. Хилиады, VII, 606; ср.: Симпликий. Схолии к «Категориям» Аристотеля. — Брандис, с. 66).

45. Однажды Зенон, снова защищая того же самого учителя (Парменида. — И. Н.), утверждавшего, что сущее неподвижно, приводил пять доказательств этого положения. Киник Антисфен, не зная, как возразить на это, встал и начал прохаживаться, считая, что

сильнее всякого словесного опровержения практическое доказательство (Симпликий. Схолии к «Категориям» Аристотеля. — Брандис, с. 22).

Из книги «Истина»

46. Сначала он был учеником ратора Горгия. Отсюда риторическая окраска его диалогов, особенно ощутимая в «Истине» и «Протрептиках» (Диог. Лаэрт., VI, 1).

47. А ложное высказывание вообще ни к чему не относится. Поэтому Антисфен простодушно полагал, что ничто не может обозначаться ничем другим, кроме присущего ему слова (logos), по только одним об одном. Отсюда вытекало, что противоречие невозможно, а также, пожалуй, невозможно и ложное высказывание (Аристотель. Метафизика, V, 29, 1024b26—1025a1).

48. Он первый дал определение: «Понятие есть то, что выражает, чем предмет был или что он есть» (Диог. Лаэрт., VI, 3).

49. Поэтому не без основания возникало затруднение, смущавшее антисфеновцев и других столь же необразованных людей: нельзя-де дать определения того, чем является вещь (ведь такое определение — только её длинное описание), но возможно научить, какова она в качественном отношении. Нельзя, например, сказать, в чём сущность серебра, но можно сказать, что оно похоже на олово (Аристотель. Метафизика, VIII, 3, 1043b23).

50. Логика бесплодна — мы ещё рассмотрим этот вопрос. Итак, если кто-нибудь согласится с этим, то этого достаточно, чтобы остальное различить, рассмотреть и, так сказать, измерить и взвесить. — Кто так думает? — Только Хрисипп, Зенон и Клеанф. Антисфен такую мнения не придерживался (Эпиктет. Беседы, I, 17, 10).

51. Антисфен Аристиппу.

Не к лицу истинному философу жить у тиранов и принимать участие в пресловутых сицилийских пирах. Он должен оставаться на родине и довольствоваться тем, что имеет. Ты же полагаешь, что разумный человек должен уметь склотить состояние и приобрести друзей среди самых влиятельных лиц. Но богатство не относится к числу необходимых вещей, а если бы оно и было необходимым, то, добытое таким путем, оно отнюдь не является благом. Что же касается друзей, то этот сброд невежд и тиранов никогда не может стать друзьями. Поэтому я посоветовал бы тебе покинуть Сиракузы и Сицилию. Если же ты, как утверждают люди, пристрастился к наслаждениям и привязан к тому, что философам не приличествует, тогда отправляйся-ка в Антикиру — там тебе поможет отвар из чемерицы. Он гораздо полезнее вина, которым тебя поит Дионисий. Вино ведёт к безумию, а чемерица излечивает его. Насколько здоровье и благоразумие отличаются от болезни и глупости, настолько и ты станешь лучше по сравнению с тем, каков ты сейчас. Будь здоров (Письма сократиков. — Орелли, с. 15; Герхер, письмо VIII).

Недостоверное

52. Он доказывал, что добродетели можно научиться (Диог. Лаэрт., VI, 10).

53. У мужчин и у женщин добродетель одна и та же (Там же, 12).

54. И Сократ сказал: «Как во многом другом, так и в том, что делает эта девушка, видно, друзья, что женская природа ни в чем не уступает мужской, но она нуждается в знаниях и в силе. Поэтому, если у кого из вас есть жена, пусть смело учит её тому, чему бы он хотел». Тогда Антисфен спросил: «Как же ты, Сократ, придерживаясь такого мнения, не воспитываешь Ксантиппу, а живёшь с женщиной самой несносной, как я думаю, из всех, которые есть, были и будут?» (Ксенофонт. Пир, II, 9—10).

55. Безвестность, как и труд, — благо (Диог. Лаэрт., VI, 11; ср.: Эпиктет. Беседы, I, 24; ср. также: Диог. Лаэрт., VI, 72; 83; 93).

56. Мудрец сам себе довлеет, ибо всё, что принадлежит другим, принадлежит и ему (Диог. Лаэрт., VI, 11, ср.: Там же, VI, 72).

57. Добродетель — оружие, которое нельзя отнять... Разум — самое прочное из укреплений, ибо его нельзя ни уничтожить, ни предать. Его стены нужно возводить из наших собственных неопровержимых доводов (Там же, 12— 13).

58. Вот основные положения его философии. Он доказывал, что добродетели можно научиться; что благородство и добродетельность одно и то же. Для счастья достаточно одной добродетели, а она нуждается лишь в Сократовой силе. Добродетель же состоит в делах и не нуждается ни в многословии, ни в науках. . . Мудрец живёт не по законам государства, а по законам добродетели... Диокл приписывает ему также следующие мысли... Лучше с немногими добродетельными сражаться против всех дурных, чем со многими дурными против немногих честных. Считайся с врагами: они первыми замечают твои ошибки. Пуще родича своего почитай человека справедливого... Добро прекрасно, зло безобразно. Всё дурное считай чуждым себе (Диог. Лаэрт., VI, 11 —12).

59. Снова и снова Антисфен говорит, что целью жизни является неприязнительность (Климент Александрийский. Строматы, II. — Поттер, с. 498).

60. «А ты, — спросил он, — чем ты гордишься, Антисфен?» — «Богатством», — ответил он. Тогда Гермоген спросил, а много ли у него денег. Тот поклялся, что у него нет ни обола. «Тогда много ли у тебя земли?» — снова спросил тот. «Может быть, нашему Автолику хватило бы для того, чтобы натереться песком» (Ксенофонт. Пир., III, 8).

61. — А ну-ка, — сказал Сократ, — ты теперь говори нам, Антисфен, как это ты, имея столь мало, гордишься богатством?

— По моему убеждению, друзья, у людей богатство и бедность не в хозяйстве, а в душе. Я вижу много частных лиц, которые, владея очень большим капиталом, считают себя такими бедными, что берутся за всякую работу, идут на всякую опасность, только бы добыть побольше. Знаю и братьев, которые получили в наследство поровну, но у одного из них средств хватает, даже есть излишки против расхода, а другой нуждается во всём. Я слышал

и про тиранов, которые так алчны до денег, что прибегают к действиям, гораздо более преступным, чем люди, самые неимущие, — из-за нужды одни крадут, другие прорывают стены, иные похищают людей, а тираны бывают такие, что уничтожают целые семьи, казнят людей массами, часто даже целые города из-за денег обращают в рабство.

Мне их очень жалко, что у них такая тяжелая болезнь: мне кажется, с ними происходит что-то похожее на то, как если бы человек много ел, по никогда не был сыт. А у меня столько всего, что сам я насилу нахожу это; но всё-таки у меня в барышах остаётся, что, евши, я дохожу до того, что не бываю голоден, пивши — до того, что не чувствую жажды, одеваюсь так, что на дворе не мёрзну несколько не хуже такого богача, как Каллий; а когда бываю дома, то очень тёплыми хитонами кажутся мне стены, очень тёплыми плащами — крыши; постелью я настолько доволен, что трудно бывает даже разбудить меня. Когда тело мое почувствует потребность в наслаждении любовью, я так бываю доволен тем, что есть, что женщины, к которым я обращаюсь, принимают меня с восторгом, поскольку никто другой не хочет иметь с ними дела. И всё это кажется мне таким приятным, что испытывать больше наслаждения при исполнении каждого такого акта я и не желал бы, а напротив, меньше: до такой степени некоторые из них кажутся мне приятнее, чем это полезно.

Но самым драгоценным благом в моём богатстве я считаю вот что: если бы отняли у меня и то, что теперь есть, ни одно занятие, как я вижу, не оказалось бы настолько плохим, чтобы не могло доставлять мне пропитание в достаточном количестве. И в самом деле, когда мне захочется побаловать себя, я не покупаю на рынке дорогих продуктов, потому что начётисто, а достаю их из кладовой своей души. И гораздо больше способствует удовольствию, когда подносишь ко рту пищу, дождавшись аппетита, чем когда употребляешь дорогие продукты, как, например, теперь, когда я пью это фасосское вино, не чувствуя жажды, а только потому, что оно попало мне под руку. Несомненно, и гораздо честнее должны быть люди, любящие дешёвизну, чем любящие дороговизну: чем больше человеку хватает того, что есть, тем меньше он зарится на чужое.

Следует обратить внимание ещё на то, что такое богатство делает человека более щедрым. Сократ, например, от которого я получил его, давал его мне без счёта, без веса: сколько я мог унести с собою, столько он мне и давал. Я тоже теперь никому не отказываю: всем друзьям показываю изобилие богатства в моей душе и делюсь им со всяким. Далее, видите, такая прелесть, как досуг, у меня всегда есть; поэтому я могу смотреть, что стоит смотреть, слушать, что стоит слушать, и, чем я особенно дорожу, благодаря досугу проводить целые дни с Сократом. Да и Сократ не ценит людей, насчитывающих груды золота, а, кто ему нравится, с теми постоянно и проводит время. Так говорил Антисфен (Ксенофонт. Пир, IV, 34—43 / Пер. С. И. Соболевского) .

62. Ибо вижу у вас большие приготовления для варки чечевицы, и, присмотревшись к ним, я посоветовала бы вам, как говорит сократик Антисфен, покончить жизнь самоубийством, прежде чем съесть такое (Афиней, IV, 157b).

63. Что касается Антисфена-сократика, то он говорит о наградах за доблесть то же самое, что и Платон. Правда, данный рассказ не может считаться истинным, так как этот киник многое делал, чтобы понравиться Сократу. Поэтому не следует верить ни тому, ни другому,

когда мы имеем свидетельство Фукидида. Антисфен добавляет к уже существующим неправильным описаниям следующее: «Мы знаем, что в битве с беотийцами ты получил награду за доблесть». — «Молчи, чужестранец. Это заслуга Алкивиада, а не моя». — «Как мы видим, ты соглашаешься» (Афиней, V, 216b).

64. Антисфен утверждал, что удовольствие — благо, но, добавлял он, когда оно не вызывает раскаяния (Там же, XII, 513a).

65. Антисфен, человек с гераклитовским складом ума, говорил, что лучше быть безумным, чем наслаждаться. Поэтому он убеждал своих учеников, чтобы они для достижения удовольствия не шевельнули и пальцем (Евсевий. Приготовление к Евангелию, XV, 13; Диог. Лаэрт., IX, 101; Авл Геллий, IX, 5; Климент Александрийский. Строматы, II, 20, 492a; Цицерон. О границах добра и зла, V, 31, 93).

66. Отсюда вытекает, что законодательство по необходимости устанавливается в интересах людей, равных как по рождению, так и по могуществу. Для таких людей законы не пишутся: они сами себе законы. И был бы смешон тот, кто пытался бы писать для них законы. Ведь они, пожалуй, скажут так, как говорил Антисфен: львы взяли слово, когда, собравшись на совет, зайцы потребовали для всех равноправия (Аристотель. Политика, III, 13, 1284a15 — 16; Ср.: Эзоп, 241).

67. Речи придаётся выразительность и тем, что самое важное слово ставится в конце; поставленное же в середину, оно как бы притупляется, как, например, у Антисфена: «Почти что больным человек, спавший на хворосте, встанет». Если изменить порядок слов и сказать: «спавший на хворосте человек встанет почти что больным», — то хотя будет сказано одно и то же, но возникнет впечатление, что сказано не одно и то же (Деметрий Фалерский. О стиле, 249).

68. И как Антисфен изысканность Кефисодота сравнил с ладаном: он доставляет удовольствие, когда убывает (Аристотель. Риторика, III, 4, 1407a).

69. Пёс называл харчевни аттическими фидитиями (Там же, 10, 1411a. Псом Аристотель, вероятно, называл Антисфена).

70. Поэтому Антисфен справедливо отвечал нищенствующей братии: Не собираюсь кормить мать богов, которую кормят боги (Климент Александрийский. Протрептик. — Поттер, с. 64).

71. Общаясь с мудростью других,
Становятся тираны мудрецами

(этот стих вместе с Платоном Антисфен приписывает Еврипиду, в то время как другие авторы утверждают, что он взят из трагедии Софокла «Аякс из Локр». См.: Схолии к Фесмофориадзусам, Аристофана, 21; Аристид. Речи, II, 288; Платон. Государство, VIII, 568A; Он же. Феаг, 125B, и др.).

72. Поэтому не так уж плохи поправки, сделанные Клеанфом и Антисфеном. Когда он (Антисфен. — И. Н.) увидел, что афиняне, находившиеся в театре, пришли в страшное волнение, услышав стих:

Что за позор, коли его позором не считать,

тут же его переделал:

Позор позором останется, хочешь того или нет.

(Плутарх. Как юноше должно слушать произведения поэтов. — Гуттен, т. 7, с. 115. Указанный стих принадлежит Еврипиду («Эол»), как указывает схолиаст к стих. 1523 «Лягушек» Аристофана).

73. Если бы он любил не только сельское хозяйство, но и людей, то предпочел бы засеять поле, которое могло бы прокормить много народа, а не такой клочок земли, о котором говорил Антисфен, что его хватило бы только на то, чтобы натереться Автолику песком. А я, собираясь возделывать поле, хочу обратить в него весь мир (Плутарх. Философу следует беседовать прежде всего с сильными мира, 3. — Гуттен, т. 12, с. 86; ср.: Ксенофонт. Пир, III, 8; Плутарх. Об изгнании, т. 10, с. 370; Диог. Лаэрт., VI, 98; Цицерон. Тускуланы, V, 37).

74. Рассмотрев этот вопрос, Антисфен сказал, что образованного и умного человека трудно переносить, так как неразумие — вещь легкая и необременительная, а разум непреклонен, непоколебим, тяжесть его неодолима (Филон Алекс. О том, что всякий добродетельный человек свободен. — Гешель, с. 869).

75. «С того времени, как Антисфен меня освободил, я перестал быть рабом». — «Как он это сделал?» — «Послушай, что он говорит: он научил меня тому, что является моим и что мне не принадлежит. Богатства не мои, родственники, близкие, друзья, слава, привычные ценности, общение с людьми — всё это чуждое». — «Что же принадлежит тебе?» — «Мои представления. Они, — учил он, — никому не подвластны, зависят только от меня, и никто не может им помешать, никто не заставит пользоваться ими иначе, чем я хочу» (Эпиктет. Беседы, III, 24, 67 сл.; ср.: Там же, IV, 1, 114).

Апофтегмы

76. На вопрос, что такое праздник, Антисфен ответил: повод для обжорства (Антоний и Максим. Беседа о невоздержанности и обжорстве, с. 299).

77. Как рассказывает Гекатон в «Хриях», Антисфен говорил: «Лучше достаться воронам, чем попасть к лъстецам. Те пожирают мёртвых, а эти — живых» (Диог. Лаэрт., VI, 4).

78. Спрошенный, почему у него так мало учеников, [Антисфен] ответил: «Потому что я гоню их от себя серебряной (может быть, *argiai* — свирепой?) палкой» (Там же).

79. На вопрос, почему он так жесток с учениками, (Антисфен] ответил: «И врачи бывают жестоки с больными» (Там же).

80. Диоген Синопский скоро стал презирать остальных, к Антисфену же относился дружелюбно, не столько восхваляя его самого, сколько его речи, так как считал, что только они одни истинны и скорее всего могут помочь человеку. Сравнивая Антисфена с его речами, он иногда упрекал его самого за излишнюю мягкость и, бранясь, называл его трубой, потому что она, хотя и очень громко трубит, но себя не слышит. И Антисфен выслушивал всё это и не возражал, ибо восторгался характером этого человека. Однако в свою защиту говорил, что похож не на трубу, а на осу: осы жужжат крылышками негромко, зато жало у них жалит очень больно. Ему доставляла удовольствие откровенность Диогена, подобно тому как всадник, получивший коня норовистого, но смелого и выносливого, тем не менее хвалит его горячность, а ленивых и медлительных ненавидит и не выносит. Таких иногда то шпорами колют, то плёткой понукают, как те, которые, натягивая струны, смотрят всё же, чтобы они не оборвались (Дион Хрисостом. Речи, VIII. — Рейске, с. 275; ср.: Стобей, Антология, XIII, 19).

81. Как пир без беседы, так и богатство без добродетели не приносит радости (Стобей. Антология, I, 30. Слова Антисфена).

82. На вопрос, почему не богачи идут к мудрецам, а наоборот, Антисфен ответил: «Потому что мудрецы знают, что им нужно для жизни, а богачи не знают: в ином случае они стремились бы скорее к мудрости, а не к деньгам» (Там же, III, 64).

83. Антисфен говорил, что удовольствия, которые не вошли через двери, не должны также выходить через них обратно. Их нужно или отсечь, или лечиться от них чемерицей[84] (Там же, VI, 2. Слова Антисфена).

84. Наслаждения, которые вошли не в двери, говорил Антисфен, нужно будет или отсечь, или лечить чемерицей, или заморить голодом, испытав тягчайшее возмездие за прежнюю ненасытность, связанную с маленьким и кратким удовольствием (Там же, XVIII, 27).

85. Кто боится других, тот раб, хотя он этого и не замечает (Там же, VIII, 14. Слова Антисфена).

86. Стяжатель не может быть хорошим человеком, будь он царём или просто свободным гражданином (Там же, X, 42. Слова Антисфена).

87. Антисфен говорил, что, подобно тому как гетеры желают своим любовникам всяких благ, кроме благоразумия и рассудка, так и льстецы хотят того же от тех, с кем они знают (Там же, XIV, 19).

88. Следует домогаться удовольствий, которые идут за трудами, а не перед трудами (Там же, XXIX, 65. Слова Антисфена).

89. Антисфен на вопрос, как следует обращаться с политикой, ответил: «Как с огнём: не подходить слишком близко, чтобы не обжечься, и не очень удаляться, чтобы не замерзнуть» (Там же, XV, 28).

90. Философ Антисфен говорил, что палачи благочестивее тиранов. Когда его спросили, почему, он ответил: «Палачи убивают преступников, а тираны — невинных людей» (Там же, XIX, 47).
91. Когда кто-то сказал, что война уничтожает бедняков, сократик Антисфен заметил: «Напротив, она их рождает во множестве» (Там же, L, 11).
92. Того, кто тебя опровергает, нужно не опровергать, а научить. Ведь одно безумство нельзя излечить другим безумством (Там же, XXXII, 8. Слова Антисфена).
93. На вопрос, кого следует брать в жены, [Антисфен] ответил: «Та, что всеобщий имеет успех, жена для всех, а та, что без внимания, сплошное наказание» (Диог. Лаэрт., VI, 3; ср.: Там же, IV, 48; V, 11).
94. Увидев однажды прелюбодея, спасавшегося бегством, он крикнул ему: «Несчастный! Какой опасности ты мог бы избежать всего за один обол» (Диог. Лаэрт., VI, 4; ср.: Афиней, XIII, 568).
95. Одному юноше с Понта, который хотел у нею учиться и спросил, что для этого нужно, он ответил: «Новая книжка, новый грифелёк, новая табличка да ум впридачу», — игрой слов подчёркивая значение ума (Диог. Лаэрт., VI, 3; ср.: Там же, II, 118).
96. Когда его попрекали тем, что не оба его родителя свободнорождённые, он сказал: «Но они и не борцы, а вот я — борец» (Там же, VI, 4).
97. Как-то один из знакомых пожаловался ему, что потерял свои ценные записи. На это он заметил: «Нужно было записывать не на табличке, а в сердце» (Там же, 5).
98. Государства погибают тогда, когда перестают отличать дурных от хороших (Там же, 5).
99. Как ржавчина съедает железо, так завистников — их собственный нрав (Там же).
100. Когда его однажды хвалили дурные люди, он заметил: «Боюсь, не сделал ли я чего-нибудь дурного» (Там же).
101. Он говорил, что совместная жизнь братьев-единомышленников прочнее всяких стен (Там же, 6).
102. Нужно, учил он, брать с собой в дорогу столько припасов, чтобы они уцелели даже при кораблекрушении (Там же).
103. Когда однажды его упрекнули в том, что он якшается с дурными людьми, он ответил: «И врачи вступают в контакт с больными, но не заражаются» (Там же).
104. «Не чудно ли, — говорил он, — очищать зёрна от плевел, не допускать к бою людей непригодных и в то же время мириться с мошенниками на государственной службе?» (Там же).

105. Когда его спросили, что дает ему философия, он ответил: «Умение оставаться наедине с собой» (Там же).

106. Во время пирушки кто-то предложил ему: «Спой!» — «А ты сыграй мне на флейте», — ответил Антисфен (Там же).

107. Когда Диоген попросил у него хитон, он предложил ему взамен сложить вдвое свой собственный гиматий (Там же).

108. Спрошенный, какая из наук самая важная, он ответил: «Та, которая учит отучаться от зла» (Там же, 7).

109. Тем, кому приходилось слышать о себе клевету, он советовал переносить её мужественнее, чем удары камнями (Там же).

110. Как рассказывает Фаний в сочинении «О сократиках», Антисфен на вопрос, как стать совершенным, ответил: «Научившись у людей знающих избегать пороков, сидящих в тебе» (Там же, 8).

111. Когда кто-то хвалил роскошь, он вознегодовал: «Пусть дети наших врагов живут в роскоши!» (Там же).

112. К юноше, старавшемуся принять перед скульптором позу покрасивее, он обратился со словами: «Скажи-ка мне, если бы бронза вдруг обрела голос, чем бы она, по твоему мнению, стала кичиться?» — «Своей красотой», — последовал ответ. — «Тогда не стыдно ли тебе чваниться тем же, чем и неодушевленный материал?» (Там же, 9).

113. Юноша с Понта обещал обогатить Антисфена, когда придёт его корабль с солёной рыбой. Философ захватил пустой мешок и попросил юношу пойти вместе с ним к торговке хлебом. Там он набил мешок и пошёл прочь. Когда же она потребовала плату, тот сказал: «Вот этот молодой человек тебе заплатит, когда придёт его корабль с солёной рыбой» (Там же).

114. Кажется, он был причастен к изгнанию Анита и к казни Мелета. Встретившись с юношами, прибывшими с Понта, после того как они наслышались о славе Сократа, Антисфен отвел их к Аниту, сказав в насмешку, что этот человек мудрее Сократа. Как говорят, это вызвало такое негодование среди окружавших Сократа, что они настояли на изгнании Анита (Там же, 9-10).

115. Когда он где-нибудь видел роскошно одетую женщину, то отправлялся к ней домой и просил её мужа вывести коня и показать оружие. Если у него найдётся и то, и другое, то пусть её наряжается, так как этого ему достаточно для защиты. Если же у него ничего такого нет, то пусть заставит её отказаться от украшений и нарядов (Там же, 10).

116. Однажды его посвящали в таинства орфиков, и жрец сказал, что посвящённых в Аиде ожидают всякие блага, на что Антисфен возразил: «Почему же ты не умираешь?» (Там же, 4).

117. На вопрос, о чём человек должен мечтать, он ответил: «О том, чтобы умереть счастливым» (Там же, 5).

118. «Тот, кто хочет быть бессмертным, — говорил он, — должен вести благочестивую и праведную жизнь» (Там же).

119. «Поэтому правильно говорит Антисфен, что тем, кто хочет спастись, нужны или истинные друзья, или заклятые враги; первые образумливают ошибающихся, вторые — своей бранью отвращают их от ошибок» (Плутарх. О пользе, которую можно получить от врагов. — Гуттен, т. 7, с. 277; ср.: Цицерон. О дружбе, XXIV, 90).

120. Но мне помогают известные слова Антисфена. Когда кто-то удивился, что он, идя по рынку, сам несёт солёную рыбу, он ответил: «Но ведь я несу её для самого себя» (Плутарх. Наставления по управлению государством.— Гуттен, т. 12, с. 168).

121. И нет смысла разворачивать другие книги Хрисиппа, чтобы показать, как он борется сам с собой, но и в этих самых он иногда с похвалой упоминает изречение Антисфена о том, что нужно или приобрести разум, или надеть петлю на шею (Плутарх. Опровержение стоиков, XIV. — Гуттен, т. 13, с. 356).

122. Поэтому правильно сказал Антисфен, услышав, что Немений хороший флейтист: «Но человек он скверный, иначе он не был бы таким искусным флейтистом» (Плутарх. Перикл, 1. — Гуттен, т. 1, с. 379).

123. А вот сократик Антисфен, видя, как хвастаются фиванцы своей победой при Левктрах, сказал, что они ничем не отличаются от мальчишек, ликующих оттого, что избили своего наставника (Плутарх. Ликург, 30. — Гуттен, т. 1, с. 142).

124. Тому, кто хочет стать добродетельным человеком, следует укреплять тело гимнастическими упражнениями, а душу — образованием и воспитанием (Извлечения из флорентийского кодекса Иоанна Дамаскина в «Эклогах» Стобея. — Гайсфорд, т. 2, с. 734; ср.: Стобей. Антология, — Майнеке, т. 4, с. 198).

125. Когда какой-то человек спросил Антисфена, чему надо учить сына, он ответил: «Если он собирается общаться с богами, то философии, если же с людьми, то риторике» (Извлечения из Флорентийского кодекса Иоанна Дамаскина в «Эклогах» Стобея. — Гайсфорд, т. 2, с. 734).

120. Этот философ [Антисфен] был человеком хвастливым и заносчивым. Когда какой-то наглец дал ему пощечину, он написал на своём лбу, как на статуе, имя своего обидчика, чтобы ещё хлеще его изобличить (Схолии к Григорию Назианзину у Буассонада).

127. Нельзя считать достоверными слова Антисфена, который родился в Аттике, о том, что, отправляясь из Афин в Лакедемон, ты переходишь как бы из женской половины дома в мужскую (Феон. Прогимнасы, 5, 45: ср.: Диог. Лаэрт., VI, 59).

128. Как говорили, [он был) незаконнорождённый. С этим связан его ответ на чью-то насмешку: «И мать богов — фригиянка» (Диог. Лаэрт., VI, 1).

129. И сам Антисфен с презрением говорил об афинянах, кичившихся своим происхождением, что они ничуть не благороднее улиток или кузнечиков (Там же).

Декламации[85]

Аякс

1 Я хотел бы, чтобы нас судили те, кто участвовал в сражениях. Я понимаю, что мне следовало бы молчать, но зато вот этот не знает устали в речах. Ныне тех, кто всё это сам пережил, здесь нет. Вы же собираетесь судить, сути дела не ведая. Какая же справедливость может восторжествовать, когда судьи фактов не знают, а только слушают речи?

2 А дело родилось из деяния. Итак, тело Ахилла спас и унес я, а он — доспехи, понимая, что троянцы будут скорее пытаться захватить тело погибшего героя, чем его доспехи. Если бы они овладели трупом, то надругались бы над ним, отомстив за Гектора. Что же касается доспехов, то они не стали бы посвящать их богам, а спрятали подальше.

3 Опасаюсь этого доблестного мужа, который уже раньше однажды ночью святотатственно похитил у них из храма статую богини и показал её ахейцам, словно свершив достославный подвиг. Я хочу получить оружие Ахилла, чтобы отдать его друзьям, а он — чтобы продать, ибо воспользоваться им, пожалуй, не посмеют. Ведь ни один трус не станет сражаться прославленным оружием, потому что понимает, что трусость его выдаст само оружие.

4 Дело обстоит примерно так: цари, командовавшие сражением, охотно предоставили другим право выносить решение о доблести, а вы, ничего не зная, обещаете вершить суд по поводу того, чего не знаете. По моему же мнению, ни один царь, действительно способный судить о доблести, не поручил бы этого дела другим, подобно тому как опытный врач никогда не доверил бы другому поставить больному диагноз.

5 Если бы у меня возник спор с человеком, похожим на меня, то проигрыш дела для меня ничего бы не значил. Но теперь нет двух людей, которые бы больше отличались друг от друга. Ведь этот ничего не делает явно, я же ничего бы не посмел сделать тайно. Я бы не вынес ни малейшего оскорбления или насилия, а этот разрешил бы себя даже повесить, лишь бы получить какую-нибудь выгоду.

6 Это он позволил рабам нанести ему удары бичом, бить палками по спине и кулаками по лицу, а потом, обрядившись в лохмотья, ночью проник во вражеский город и, ограбив храм, улизнул. И это он вновь согласится делать, да и других, пожалуй, станет убеждать, говоря, как прекрасно всё было сделано. После всего сказанного этот негодяй и святотатец хочет получить доспехи Ахилла?!

7 Слушайте мое слово вы, ничего не знающие судьи: когда вы выносите свой приговор, больше внимания обращайтесь на дела, а не на слова. Ведь и исход войны решается не словом, а делом. И с врагами нужно не состязаться в речах, а или побеждать сражаясь, или покоряться молча. Старайтесь судить хорошо, и тогда вы узнаете, что слово по сравнению с

фактами не имеет никакой силы и но из-за недостатка фактов говорятся долгие и многословные речи, а пользу принесёт вам не тот, кто речист.

8 В противном случае говорите, что не понимаете того, что говорят, а уходите или же судите по справедливости. Обо всём этом нужно говорить громко, а не шепотком, чтобы вы знали, что и тем, кто судит, если они поступают несправедливо, воздаётся по справедливости. Потом, может быть, вы поймёте, что заседаете здесь не как арбитры речей, а как люди, имеющие убеждения.

9 Я предоставляю вам право решать относительно меня и моего дела, но обо всём — запрещаю, особенно относительно человека, который прибыл под Троию не добровольно, а против своей воли[86], да и обо мне, который всегда впереди один и сражается не под защитой стен.

Одиссей

1 Не к одному тебе только обращена моя речь, ради которой я поднялся, но и ко всем остальным. Ведь для нашего войска я сделал больше, чем все вы, вместе взятые. Об этом я сказал бы даже при жизни Ахилла, а сейчас говорю это вам после его смерти. Нет ни одной битвы, в которой я не сражался бы вместе с вами, но никто из вас не разделял со мной всех моих опасностей, никто. Но в общих сражениях, даже если бы вы и нехрабро сражались, ничего страшного не случилось бы.

2 Если я благополучно выбирался из опасностей, которые выпали на долю только мне, всё это шло на пользу тому делу, ради которого мы сюда прибыли; если бы мне пришлось плохо, вы лишились бы в моём лице единственного в своём роде мужа. Мы пришли сюда не для того, чтобы воевать с троянцами, а чтобы вернуть Елену и взять Троию.

3 Всё это было целью моих испытаний. Ведь когда было получено предсказание, что Троию нельзя одолеть, пока мы, похитив, не завладеем статуей богини[87], кто доставил её сюда, как не я? А ты меня обвиняешь в святотатстве. Ты-то ничего не видишь и называешь нечестивым грабителем человека, который отвоевал статую богини, а не ограбившего нас Александра.

4 Вы все горячо желаете взять Троию, а меня, придумавшего, как это сделать, ты обзываешь негодяем. Но если прекрасно взять Иллион, то и прекрасно найти путь для этого. Все остальные благодарны мне, а ты поносишь меня. Из-за своего невежества ты даже не представляешь себе, чьими услугами пользовался, но я не браню тебя за твоё невежество. И ты помимо своей воли испытал это, да и все другие.

5 Направленной против меня бранью ты не можешь никого убедить, что спас [тело Ахилла], поэтому и грозишься причинить зло судьям, если они присудят доспехи мне. Я-то знаю, что ты будешь грозить часто и многими карами, прежде чем сделать хоть самую малость. Но если следует судить на основании подобных речей, то, как я думаю, ты сам из-за своего злобного гнева причинил себе зло.

6 А меня ты упрекаешь в трусости за то, что я врагам причинил зло. Но из-за того, что ты явно немало потрудился и напрасно обнаружил свое безрассудство, и при том делал это вместе со всеми, ты полагаешь, что лучше меня. И ты смеешь говорить мне о доблести. Но, во-первых, ты не знаешь, как нужно было сражаться. Как дикий кабан, ослеплённый гневом, бросившись на кого-нибудь, ты когда-нибудь, пожалуй, убьёшь самого себя. Разве ты не знаешь, что благоразумный муж не должен страдать ни от самою себя, ни от другого, ни от врагов?

7 Ты же, словно ребенок, радуешься, когда они называют тебя отважным. А я говорю, что ты самый трусливый из всех и больше всего боишься смерти, так как у тебя прежде всего доспехи крепки и неуязвимы, благодаря которым, как говорят, ты и сам невредим. Что смог бы ты сделать, если бы на тебя напал враг, обладающий таким же оружием? Может быть, произошло бы что-нибудь чудесное и удивительное, хотя никто из вас ничего не мог бы сделать. После этого ты думаешь, что есть какая-нибудь разница между тем, чтобы иметь такое оружие, или сидеть за крепостными стенами? А ты утверждаешь, что лишь у тебя нет стен. Но только ты один, защищая себя, как бы стоишь за стеной из семи бычьих шкур.

8 Я же без оружия не то что подхожу к вражеским стенам, но даже вхожу внутрь стен и поражаю передовые посты врагов, хотя они и поднимаются на тревоге, их же оружием. Я полководец и страж твой, как и всех остальных. Я знаю всё, что делается здесь и у врагов, не посылая другого в разведку, но сам иду и смотрю, как кормчие, которые день и ночь следят за тем, чтобы моряки были живы и невредимы. Так и я охраню и себя, и всех остальных. Нет такой опасности, которой бы я сторонился, считая её позорной, в которой бы я промедлил нанести врагу хоть какой-нибудь урон.

9 Даже если бы за мной наблюдали люди, то и тогда я не стал бы гоняться за славой. Но в личине раба, нищего или негодяя, достойного плетей, я старался наносить вред врагам. Пытался бы и тогда, когда никто не увидел бы. Ведь война не любит показных дел, а всегда требует подвигов — ночью и днём. Я не располагаю доспехами, в которых мог бы вызвать врагов на бой, но всегда готов выйти на бой с одним или многими с каким угодно оружием.

10 И когда битва утомляет меня, я не передаю оружие другим, как ты, но и ночью, когда враги отдыхают, я нападаю на них, имея такое оружие, которое нанесёт им самый большой урон. Меня никогда не останавливала даже ночь, как нередко тебя, и ты радовался, что вместе с ней прекращалось побоище. Но в то же самое время, когда ты храпишь, я спасаю тебя и всегда хоть чем-нибудь наношу вред врагам, имея вот это рабское оружие, одетый в лохмотья, со следами ударов бичом, благодаря которым ты спишь в безопасности.

11 Ты думаешь, что очень храбр, раз добыл труп? Если бы ты не сумел этого сделать, его унесли бы ещё двое. После чего и они могли, пожалуй, затеять с нами спор о доблести, но я бы и им сказал то же самое. А что бы ты сказал, споря с ними? Но о двух, пожалуй, ты не заботился, а перед одним постеснялся бы признаться, что трусливее его. Разве тебе не известно, что троянцы заботились не о захвате трупа, а о том, чтобы овладеть доспехами?

12 Тело они собирались отдать, а доспехи положить в храм и посвятить богам. Ведь позорно не отдавать останки для погребения, а уносить погибших с поля боя — не позор. Итак, ты

сделал то, что было выполнимо, а я избавил их от проклятий.

13 Ты болен завистью и невежеством — бедами, наиболее противоположными друг другу. Первая — заставляет тебя стремиться к прекрасному, вторая — отвращает от него. В тебе есть что-то человеческое, поэтому, будучи сильным, ты думаешь, что отважен, но не знаешь, что мудрость и отвага на войне — не одно и то же, а невежество для тех, кто им страдает, — величайшее зло.

14 Я думаю, что если когда-нибудь на свете появится мудрый поэт, то он изобразит меня многострадальным, многоумным, многохитростным разрушителем городов и единственным покорителем Трои, а тебя, как мне думается, уподобит медлительным по природе ослам и быкам и другим стадным животным, которые позволяют спутывать себя и надевать на себя ярмо.

Дополнения

Свидетельства о сочинениях

4. Ведь и Феопомп Хиосский[88] в трактате, направленном против Платона, пишет: «Многие из его диалогов, возможно, кто-нибудь сочтет бесполезными и лживыми, но большинство сочинений не принадлежит ему: автор одних — Аристипп, других — Антисфен, много в действительности написано Брисоном из Гераклеи» (Феопомп у Афиняя, XI, 508cd).

5. Как полагает Панетий, все сократические диалоги Платона, Ксенофонта, Антисфена и Эсхина подлинные (Панетий у Диог. Лаэрт., II, 64).

6. По утверждению Персея, большинство из семи [диалогов Эсхина] принадлежит эретрейцу Пасифонту, который включил их в сочинения Эсхина. Более того, Эхин использовал также «Малого Кира», «Меньшего Геракла» и «Алкивиада» Антисфена, как и диалоги других авторов (Персей у Диог. Лаэрт., II, 61).

8А. Если же сократик; Антисфен кое-что разъясняет при помощи мифов, то это не должно вводить тебя в заблуждение. На этом подробнее я остановлюсь немного позднее (Юлиан. Речи, VII, 209а).

8С. Платон, рассуждая о природе богов, придумал множество мифов о том, что происходит в Аиде, а ещё до него это делали эпические поэты; Антисфен, Ксенофонт да и сам Платон, даже разрабатывая некоторые чисто этические проблемы, не походя, а заботливо и с подробностями сочиняют мифы, которым тебе, если бы ты хотел, следовало подражать, заменив Геракла Персеем или каким-нибудь Тезеем, и придать всему антисфеновский характер... (Там же, 216—217а).

9. К тому, что сказано о древней жизни, мне остается добавить всего несколько слов о языке Фукидида, свойственного людям того далёкого времени: из многих риториков и философов, живших в Афинах после Пелопоннесской войны, уже никто не пользовался этим языком: ни ораторы из окружения Андокида, Антифонты или Лисия, ни последователи Сократа из

окружения Крития, Антисфена и Ксенофонта (Дионисий Галикарнасский. О Фукидиде, 51, 941).

11. Среди софистов [искусство слова] не вызывает презрения и пользуется большим вниманием даже у тех из них, кто занимался философией. Так, и Платон, и Ксенофонт, и Эсхин, и Антисфен серьёзно работали над словом и добивались совершенства (Лонгин. Риторическое искусство. — Прикард, с. 559).

Из установленных произведений

21А. Персидский царь Кир на вопрос, какая наука самая необходимая, ответил: «Та, что учит отвыкать от пороков» [Из «Кира»] (Арсений. Виолярий.— Вальц, с. 502).

21В. Он же [Антисфен], будучи спрошенным, какая из наук самая необходимая, ответил: «Та, что учит отвыкать от пороков» [Из «Кира»] (Стобей. Антолог., II, 31, 34).

24С. Здесь, кажется, был Хирон, живший на Пелионе; он превосходил всех людей справедливостью и даже учил Асклепия и Ахилла. К нему пришёл Геракл, по-видимому охваченный любовью; вместе с Хироном в его пещере они принесли жертвы Пану. Геракл не убил Кентавра, но повиновался ему[89]. Так рассказывает сократик Антисфен. [Из «Геракла»] (Латинский аноним, II. — Маас, с. 264).

27. Если вы в самом деле хотите узнать, что разумность, есть нечто возвышенное, то я призову в свидетели не Платона с Аристотелем, но мудрого Антисфена, который прошёл этот путь познания. Так, он говорил: «Прометей обращался к Гераклу: „Твой образ действий вызывает одно презрение, ибо ты занят мирскими делами, а о более важном не заботишься. Тебя нельзя считать совершенным мужем до тех пор, пока ты не познал то, что выше людей. Лишь познав это, ты постигнешь также человеческую сущность. Познав же только земное, ты будешь бродить вслепую, как дикие звери“». Тот, чьи интересы связаны лишь с земными благами и чей ум ограничен этими зыбкими и узкими ценностями, не является мудрецом, как полагает Антисфен, но уподобляется тому животному, которое черпает удовольствие, копаясь в грязи [Из «Геракла»] (Фемистий. О добродетели (перевод с сирийской Гильдмейстера—Бюхелера. — Рейнский Музей, 1872, т. 27, с. 450 сл.).

28. Он же [Антисфен], увидев картину, изображающую, как Ахилл прислуживает кентавру Хирону, заметил: «Молодец, Ахилл! Ты правильно сделал, что ради образования не отказался даже прислуживать» [Из «Геракла»] (Ватик. гномолог., II).

39А. У Антисфена в «Физике» читаем: «Согласно мнениям людей, существует множество богов, по природе же — один» (Филодем. О благочестии, 7).

40С. Сократик Антисфен перефразировал пророческие слова Писания. «Кому вы меня уподобили?» — говорит Господь. «Бог, — сказал он, — ни на кого не похож, поэтому-то никто не может узнать его по изображению» [Из «Физика»] (Евсевий. Приготовление к Евангелию, XIII, 13, 35).

Из неустановленных произведений

44В. (Поэтому имеет некоторое основание затруднение (aporía), которое привело в смятение Антисфена и других, столь же несведущих людей). Нужно иметь ещё в виду решение этой апории на основании ранее сказанного, с тем чтобы понять указанное место: «Поэтому имеет основание затруднение, которое смутило антисфеновцев, а решение вытекало из сказанного». Уже было разъяснено, что одни части имеют значение формы, а другие — материи. Именно это разъяснение и позволит разрешить апорию антисфеновцев, которая, по их мнению, заключается в том, что нельзя дать определения и не существует определения чего-либо. Это они доказывают следующим образом.

Так как определение не может быть именем (ονομα), а должно состоять из многих имён (это называлось «многословием»; определением можно, например, считать следующее «многословие»: существо разумное, смертное, имеющее ум и знания, а не просто наименование «человек»), а так как имя не может играть роль определения, поэтому невозможно и определять. Они говорят: когда мы произносим «существо разумное», то этим самым мы произносим нечто сложное, состоящее из материи и формы, «существо» относится к материи, а «мыслящее, разумное» — к форме. К этому прибавляется ещё «смертное». Если это так, то мы рассматриваем сложное как результат арифметического сложения. Говоря «существо разумное» и прибавляя к этому ещё «смертное», определения мы всё же не даем. Аристотель говорит, что эта апория разрешается, исходя из уже сказанного.

Ведь было доказано, что «существо пешее, на двух ногах» есть части формы, а не материи. Как же можно утверждать, что «существо» — это материя, а «разумное» — форма или «существо разумное» — материя, а «существо смертное» — форма? Ведь если части материи — «существо», «смертное», «разумное», то следовало так и сказать, что «существо» и «разумное» — материя, а «смертное» — форма, а говоря «существо смертное», мы произносим нечто сложное, состоящее из материи и формы. А когда нет относящегося к материи, то говорят не сложное, а называют части формы, поэтому определение существует. Итак, они утверждают, что нельзя дать определения, но, каков человек или бык, можно объяснить, а определить нельзя. Так, например, что такое серебро, определить нельзя, а каково оно, сказать можно. Так, на вопрос, каково серебро, можно ответить, что оно похоже на олово.

Таким образом, как они утверждают, можно дать определение лишь сложной сущности, состоящей из материи и формы, а определения формы или материи, из которых состоят сложные сущности, дать нельзя. Утверждая, что можно дать определение сложной сущности, он присовокуплял: всё равно, «воспринимается ли она чувствами или постигается разумом». Но ведь ясно, что сложные сущности воспринимаются чувствами; очевидно, что существуют также умопостигаемые сложные сущности: математика состоит из материн и формы. Не из желания изложить своё мнение назвал он математику сущностью, но, возможно, он так её назвал на основании рассуждений последователей Антисфена.

Итак, по их мнению, можно дать определение сложной сущности независимо от того, воспринимается ли она чувствами или постигается умом (как, например, «существо разумное»), а элементов, из которых она состоит, определить нельзя; определение же вообще на что-то указывает, причём одна часть является формой, а другая — материей

([Александр Афродисийский] Комментарий к «Метафизике», 1043b23, р. 553, 29).

47С. Тезис есть предположение философски мыслящего человека, противоречащее общепринятому, как, например, предположение Антисфена, что невозможно противоречить (Аристотель. *Топика*, 104b20).

50В. Но известнее и заслуживает больше нашего внимания категория качественности, чем качества[90], даже если некоторые отказываются от неё, будто последней вовсе не существует; качественность же никто не может устранить, хотя, как утверждает Антисфен, лошадь он видит, а лошадности не видит. Первое он воспринимает глазами, а второе постигается лишь разумом, причём первое является причиной второго, оно как бы предшествует ему, второе же является следствием первого; первое — это тело и притом сложное, второе — бестелесное и простое (Симпликий. Комментарий к «Категориям» Аристотеля, 8b25, р. 211, 15).

53. («И в землю / Прибыли сильных, свирепых, не знающих правды циклопов») Антисфен говорит, что только Полифем несправедлив, ибо по существу презирает Зевса. Остальные же циклопы там справедливы, потому земля приносит им свои плоды сама. Не обрабатывать её, стало быть, вполне справедливое дело (Порфирий. *Схолии к «Одиссее»*, IX, 106).

58. Зенон ни в чём не упрекает Гомера, объясняя и поучая одновременно, что одно написано поэтом в согласии с мнением людей, а другое — в соответствии с истиной. Поэтому не должно казаться, что он сам себе противоречит там, где есть видимость противоречия. Такой взгляд ещё до Зенона высказал Антисфен, утверждая, что одно поэтом сказано в согласии с мнением, другое — с истиной. Но если эта теория у Антисфена ещё не разработана в подробностях, то у Зенона всё детально разъяснено (Дион Хрис. *Речи*, III, 5).

68. Он же [Антисфен] утверждал, что невежественные люди похожи на бодрствующих в состоянии сна (Ватик. *гномолог.*, 3).

78. Не замечай ошибки старца: старое дерево бесполезно пересаживать (Антоний. *Беседы*, XXXIII, 172).

83. Дурные люди от лести становятся ещё хуже (Там же).

84В. Антисфен говорил, что лучше отправиться «к воронам», чем к лъстецам. Вороны пожирают мертвецов, а лъстецы — живых (Стобей. *Антолог.*, III, 14, 17).

86. Он же (Антисфен) говорил: добродетель не нуждается в многословии, в нём нуждается зло (Ватик. *гномолог.*, 12).

87. Невежда много болтает, не зная меры в словах (Цецилий Бальб, XVII, 2. — Вёльфлин, с. 29).

90. Антисфен... сказал, что не следует подражать чужим порокам [или завидовать позорным поступкам другого]. Городские стены могут не устоять перед предательством, а стены души незыблемы и прочны (Епифаний. *Против еретиков*, III, 26. — Дильс. *Доксографы*, с. 591).

96. Антисфен говорил, что трудности похожи на собак: они кусают лишь тех, кто к ним не привык (Ватик. гномолог., 1).

99. Правильно говорил Антисфен, что врагам следует желать всяческого добра, кроме мужества. Это признак силы, а не слабости (Плутарх. О мужестве Александра Великого, 336а).

102. Он [Антисфен] говорил, что государством должен править мудрец (Августин. О граде Божьем, XVIII, 41).

105. Опасно давать безумцу в руки меч, а негодяю — власть (Максим. Беседы, 9, 561).

106. Что же, в конце концов, ни Сократ, который умел примирить одно с другим и, кажется, был способен примирить отдельного человека с толпой, ни Антисфен, ни Зенон, ни Клеанф, ни Хрисипп и никто иной не смогли добиться таких успехов? (Филодем. Риторика. — Зудхаус, с. 223, 12 сл.).

109В. Тогда, как говорят, Антисфен, ученик Сократа и учитель Диогена, более всего ценил благоразумие и, испытывая отвращение к наслаждениям, сказал: «Если бы я встретил Афродиту, то пронзил бы её стрелой за то, что она погубила столько наших прекрасных и добродетельных женщин». Любовь он называл пороком природы, тогда как несчастные людишки именуют эту болезнь богиней. Поэтому он предпочитал скорее сойти с ума, чем предаваться любви (Феодорет. Излечение греческих страстей, III, 53).

111А. Таким образом, сократики придерживались разных мнений о цели философии. Их взгляды настолько расходились (просто невероятно, как это могло случиться с учениками одного и того же учителя!), что одни, как Аристипп, объявляли высшим благом удовольствие, а другие, как Антисфен, — добродетель (Августин. О граде Божьем, VIII, 3).

116. Сократик Антисфен писал, что не следует отказываться от так называемого прелюбодеяния (Климент. Гомилии, V, 18, 147).

120. После этого Сократ сказал:

— Итак, теперь, пожалуй, нам остается порассуждать о том, что каждый считает наиболее ценным.

— Не хотите ли выслушать меня первым? — спросил Каллий. — Тогда как вы, насколько я понимаю, затрудняетесь ответить на вопрос, что такое справедливость, я в это время делаю людей справедливее.

— Каким же это образом, дорогой? — спросил Сократ.

— Я просто снабжаю их деньгами, клянусь Зевсом.

Тут встал Антисфен и с издевкой спросил:

— Скажи, Каллий, где по-твоему люди хранят справедливость — в душе или в кошельке?

— В душе, разумеется, — ответил Каллий.

— А ты, значит, положив деньги в кошелёк, делаешь души более справедливыми?

— Безусловно!

— Каким же это образом?

— Зная, что у них есть средства для приобретения всего жизненно необходимого, люди не хотят идти на преступления и подвергать себя опасности.

— Ну, а возвращают ли они тебе то, что берут? — спросил Антисфен.

— Конечно, нет, клянусь Зевсом.

— Может быть, всё-таки платят благодарностью?

— Нет, клянусь Зевсом, даже благодарности не получаю. Более того. Некоторые становятся даже враждебнее, чем были до этого.

— Поразительно! — воскликнул Антисфен, насмешливо глядя на него. — Всех ты делаешь справедливее по отношению к другим, а к себе — нет.

— Что же в этом удивительного? Мало ли ты видел плотников и строителей, которые строят дома для многих других, а для себя ничего не могут построить и живут, снимая квартиры? Угомонись же, наконец, мудрец-обличитель!

— Клянусь Зевсом, — вмешался тут Сократ, — он должен с этим примириться. И прорицатели, говорят, предсказывают другим судьбу, а что их самих ожидает, не предвидят (Ксенофонт. Пир, IV, 1—5).

Биографические заметки

122В. Афинянин... сын отца, носившего то же имя Антисфен, мать — фракиянка родом (Суда, под словом «Антисфен»).

122С. Антисфена упрекали за то, что у него мать фракиянка, варварского рода. На что он отвечал, что и матерь богов Идэя[91] родом оттуда же (Сенека. О твердости духа мудреца, 18, 5).

122D. Антисфен был афинским гражданином, а мать происходила из Фракии, сначала он был последователем Сократа, затем стал киником (Епифаний. Против еретиков, III, 26).

124. Кто-то сказал ему [Сократу], что у Антисфена мать фракиянка. Тогда он заметил: «А ты думал, что такой благородный человек мог родиться только от двух полноправных

афинских граждан?»[92] (Диог. Лаэрт., II, 31).

128С. Он же [Антисфен] научился сначала риторике, затем примкнул к Сократу. Встретив однажды друзей, сказал им: «Раньше все вы были моими учениками, а теперь, если окажетесь благоразумными, станете моими соучениками» (Ватик. гномолог., 4).

129. Этот киник-собака [Антисфен] многим обязан Сократу (Афиней, V, 216Б).

130А. После того как Антисфен учился у Сократа, он стал киником (Климент Алекс. Строматы, 1, 14, 63, 4).

130В. Затем он стал киником (Суда. Под словом «Антисфен»),

131. Сократ, как я думаю, считал, что философия Эсхина, и Антисфена принесла Афинскому государству мало пользы (Максим Тирский, 1, 9, е).

131А. Э х е к р а т. Кто же там был, Федон? Ф е д о н. Известный тебе Аполлодор из местных жителей, а также Критобул... и Антисфен[93] (Платон. Федон, 59В).

132В. Что за молодые люди появились в тюрьме? Аполлодор, Критон, Федон, Симмий, Кебет, а также Гермоген, Эпиген, Антисфен, Эсхин, пожилые люди, участники собеседований Сократа (Либаний. Апология Сократа, V, 23).

134А. В этике существует десять школ... Основателем древней академической был Платон... кинической — афинянин Антисфен (Диог. Лаэрт. Вступление, 19).

134В. Сначала от самого Платона пошли Аристотель и Ксенократ... затем от Антисфена, который более всего восхищался в беседах Сократа проповедью терпения и твердости, пошли в первую очередь киники... (Цицерон. Об ораторе, III, 17).

136В. Он был создателем кинической философии, которая получила своё название благодаря тому, что Антисфен учил в гимнасии Киносарг[94] (Суда. Под словом «Антисфен»),

136С. (В связи с тем, что в то время, как говорят, насчитывалось семь философских школ)... или по образу жизни, как, например, киническая школа, во главе которой стоял Антисфен (Иоанн Филопон. Введение в Категории, р. 2, 4).

136D. Я думаю, что из множества сократиков нет никого хуже [и слабее], чем Антисфен, который ввёл в жизненную практику киническую философию. Его сторонником и подражателем стал Диоген ([Гален] История филос., 3).

137. Теперь основоположника этой философии, к которому прежде всего можно возвести её идеи, нелегко установить, хотя некоторые полагают, что для этой роли подходит и Антисфен, и Диоген. Кроме того, Эномай, кажется, не считает абсурдным утверждение, что кинизм не представляет собой ни антисфенизм, ни диогенизм. Ведь наиболее благородные из киников говорят, что сам великий Геракл, являвший нам примеры всяческих

добродетелей, оставил также людям величайший образец и этой (кинической. — Я. Я.) жизни (Эномай у Юлиана, речь VI, 187с).

138В. Антисфен многих призывал заниматься философией, но люди не обращали на его слова никакого внимания. Тогда, охваченный негодованием, он перестал вообще допускать к себе учеников. Не был исключением и Диоген, но тот проявил настойчивость и упорство, притом такое, что Антисфен стал грозить ему палкой и однажды даже ударил палкой по голове, но Диоген не только не изменил своего намерения, но ещё с большим упорством стал добиваться своего — столь велико было желание слушать поучения Антисфена. «Можешь меня поколотить, если тебе угодно, — сказал он, — я снова подставлю свою голову под твои удары, но ты, пожалуй, не найдёшь такой крепкой дубины, чтобы прогнать меня и не дать слушать твои речи». Тогда Антисфен проникся к нему исключительным расположением (Элиан. Пёстр, ист., X, 16).

138С. Антисфен не допускал к себе учеников, а настойчивости Диогена преодолеть не мог, даже угрожая ему палкой. Рассказывают, что Диоген склонил перед ним голову и сказал: «На свете нет такой палки, которая могла бы меня от тебя отвадить» (Иероним. Против Иовиниана, II, 14, 345).

138D. Диоген-киник стал учеником Антисфена (Евсевий. Приготовление к Евангелию, XV, 13, 7).

138Е. Он стал учителем Диогена-собаки и других киников (Суда. Под словом «Антисфен»),

138F. (Этот киник Диоген...) После того как у него было конфисковано имущество, он стал изгнанником и прибыл в Афины, где подружился с Антисфеном и был вместе с ним до конца его жизни (Схолии к «Продаже жизней», 7, Лукиана).

140. В это время жили люди, заслуживающие внимания благодаря их образованности... Аристипп и Антисфен (Диодор Сицилийский, XV, 76. — Олимп. 103, 3—4; 366—365 гг.).

143. Рассказывают, когда Антисфен заболел долгой и неизлечимой болезнью, Диоген протянул ему кинжал со словами: «Возьми, если нуждаешься в услуге друга...» (Юлиан, Речи, VI, 181b).

144. ...Одни [философы] погибли от яда, как Сократ, другие были сожжены заживо, как Гераклит Эфесский, третьи — зачахли, как Антисфен (Сх. к «Параситу», 57, Лукиана).

Анекдоты

146. Он же [Антисфен] в ответ на чью-то брань и упреки, что он неполноправный афинянин, заметил: «Ведь никто не видел коринфского или аттического льва, но зверь от этого не становится ничуть не менее благородным» (Ватик. гномолог., 10).

148А. Увидев, что Антисфен постоянно выставляет напоказ дыры на своём плаще, Сократ заметил: «Может быть, ты перестанешь красоваться перед нами?» (Элиан. Пёстр, ист., IX, 35).

148В. Антисфен повернулся так, чтобы были видны дыры на его плаще. Тогда [Сократ] сказал: «Через дыры плаща просвечивает твоё тщеславие» (Диог. Лаэрт., II, 36; ср.: Там же, VI, 8).

153. Когда Платон в своей школе однажды о чём-то долго рассуждал, Антисфен заметил: «Не оратор является мерой слушателя, а слушатель мерой оратора» (Ватик. гномолог., 13).

155. [Аристипп] всегда высмеивал Антисфена за его угрюмый вид (Суда. Под словом «Аристипп»).

156. Он же [Антисфен] на горестные сетования Дионисия, что он смертен, заметил: «Но ведь ты же сам, когда превратишься в глубокого старика, будешь огорчаться, что всё ещё жив» (Ватик. гномолог., 5).

160. ... [Парменид] доказывал, что сущее неподвижно. Не будучи в состоянии опровергнуть это словами, киник Антисфен поднялся и начал ходить взад-вперёд, считая, что гораздо убедительнее доказывать делом, чем возражать на словах (Элий. Комментар. к «Категориям», 220b40, р. 109, 18 сл.).

161. Таковы нищенствующие жрецы, собирающие подаяния для богини Кибелы. Похоже, что это им, просящим милостыню, Антисфен сказал: «Я не хочу кормить мать богов, которую кормят боги» (Климент Алекс. Протрептик, VII, 75, 3).

167. Видя, что во время правления Тридцати[95] гибнут наиболее известные граждане и тираны особенно преследуют самых богатых, Сократ, как говорят, повстречав Антисфена, сказал ему: «Ты, надеюсь, не раскаиваешься, что в жизни мы не стали столь прославленными и почитаемыми, как цари, которых выводят в трагедиях, все эти Атреи, Фиесты, Агамемноны, Эгисфы? Все они погибают от мечей, страдают сверх всякой меры и на глазах у всех участвуют в ужасающих трапезах[96]. Но ещё не явился на свет столь дерзкий и бесстыдный сочинитель, который представил бы участников хора, закалываемых на глазах у зрителей» (Элиан. Пёстр, ист., II, 11).

172. Философ Антисфен, один из последователей Сократа, на чей-то вопрос, какой венок он считает самым красивым и почётным, ответил: «Тот, который мы получаем в результате воспитания и образования» (Стобей. Антолог., II, 31, 33).

178В. Он же [Антисфен], наслушавшись похвал от дурных людей, сказал: «Меня тревожит мысль, не совершил ли я какой-нибудь дурной поступок, ибо я им понравился» (Ватикан. гномолог., 9).

192. Рассказывают, что и Антисфен любил одного юношу. Какие-то люди, желая завлечь молодого человека на пир, поставили на стол блюда с вкусной рыбой. Потом кто-то сказал Антисфену: «Даже у счастливых есть соперники в любви». — «Конечно, — ответил философ. — Я ведь не владыке, морской. Если кто-нибудь чего-то домогается, я от этого отказываюсь» (Собрание папирусов, II, 113. — Компаротти — Вителли, кол. II, 26).

194. Хрия... опровергающая. Кинический философ Антисфен мыл какие-то овощи. Заметив киренского философа Аристиппа[97], входящего вместе с сицилийским тираном Дионисием,

сказал: «Аристипп, если бы ты довольствовался такой пищей, как я, то тебе не пришлось бы следовать по пятам за тираном». На что Аристипп возразил: «А если бы ты мог запросто беседовать с тираном, то не довольствовался бы такой пищей» (Латинская грамматика, VI (О Хрии). — Кейль, 1879, с. 273, 15).

Версия #2

Зверобой создал 14 ноября 2025 09:02:14

Зверобой обновил 14 ноября 2025 12:39:06